

ОГНИ ШАФТСБЕРИ-АВЕНЮ

26

СЕН 1967

Уайт

THE NEW YORK TIMES

- Подсудимый, ваше имя?
- Невилл Чемберлен.
- Вы обвиняетесь в преступлении, совершенном вместе с Гитлером. Вы продали ему Чехословакию, вы предали эту страну.
- Но я думал...
- Обвиняемый, вы находитесь перед судом истории, которую совершенно не интересует, что вы при этом думали. Вы заслужили самую суровую меру наказания, какую может только вынести суд истории,— всеобщее вечное презрение...

Голос судьи падает в напряженную, мертвую тишину. Справа от меня — немолодая женщина. Она вся подалась вперед, туда, к сцене. Слева — совсем юный лондонец. Когда торговали Чехословакией, его еще не было. Он замер в своем кресле, глаза его широко раскрыты.

В Лондоне — полсотни театров, очень разных. Выступающие в них труппы с разной степенью успеха ведут борьбу за зрителя. Театр «Аполло» на Шафтсбери-авеню, здешней зрелищной Мекке, не самый большой, но хорошо известный в Лондоне, ломится от публики.

Показывают «40 лет» — нашумевшую в нынешнем сезоне пьесу Ала-

на Беннетта. В театральных программах его пьеса значится как комическое обозрение. В зрительном зале «Аполло» действительно часто звучит смех. Но он чисто английский, нередко скрывающий слезы. Люди здесь умеют смеяться и когда им грустно, и над самими собой.

...1969 год. Привилегированная, так называемая «публичная» школа, носящая многозначительное название «святого Альбиона». В самом воздухе школы носится насилие над личностью и лицемерие. Один из наставников раздает налево и направо пощечины, требуя от учеников, чтобы они его при этом в самых изысканных выражениях благодарили. Другой приходит в ужас при виде воспитанника, причисляющегося в общей комнате. И тут же со знанием дела растлаживает смазливое мальчишку.

Директор-святоша, роль которого блистательно сыграл Эмлин Уильямс, уходит на пенсию. По такому случаю школьная самостоятельность дает представление — обзор 40-летнего отрезка истории, от начала века до последней войны. В представлении — в этом замысел драматурга — перед глазами участником проходит внешне не связанные одна с другой, но по существу единые картины английской жизни. Знатную и предельно глупую матрону возят на колесике, но иногда, забывшись, она выходит из нее, простодушно объясняя: «Я могу ходить, но достаточно богата, чтобы не делать этого». Клуб «Уайтс» — для избранных из избраннейших тори. Долгими вечерами, годы и столетия они, пытаясь отгородиться от марша исто-

рии, с глубокомысленным видом садятся у камина и несут несусветную чушь. Первая мировая война. 10 миллионов человек погибло в ней. Ради чего? «На могильных плитах выбита ложь», — слышим голос ведущего. И снова война. С запретом на бомбардировки заводов Круппа — святая частная собственность. И снова трупы трупы. Война не успевает кончиться, а политиканы уже готовятся к новой.

Это — театр, и это — жизнь, душная, жестокая, без цели. Куда зовут эти картины молодежь, какие перспективы открывают они перед подрастающим поколением?

— Да, все это трагичные вопросы нашего времени, — говорит мне после спектакля Эмлин Уильямс. — Новое поколение бьется над ними, мы стараемся помочь, по-честно говоря, не всегда успешно. Да мы часто просто и не понимаем друг друга.

Я выхожу на ослепительную Шафтсбери-авеню, улицу театров. Она не всегда такая яркая. Несколькими лет назад, когда умерла Вивьен Ли, огни тут погасли. Пиккадилли отсюда в двух шагах. На площади — группки бесцельно слоняющихся долговолосых парней и девочек в неприменных джинсах. Огни Шафтсбери-авеню разгораются все ярче; на Пиккадилли — все многолюднее.

В. КОБЫШ.